



- ³ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 199. Оп. 1. Д. 908. Л. 78.
- ⁴ Там же. Д. 786. Л. 93.
- ⁵ См.: *Абдуллин Я. Г.* Джадизм среди татар : возникновение, развитие и историческое место. Казань, 1998. С. 9.
- ⁶ См.: *Камалов Т.* Зия Камали. Казань, 1997. С. 10–17.
- ⁷ *Хабутдинов А. Ю.* Указ. соч. С. 28.
- ⁸ Малая советская энциклопедия : в 11 т. М., 1938. Т. 7. С. 922.
- ⁹ См.: *Нафигов Р. Н.* Формирование и развитие татарской общественно-политической мысли. Казань, 1964. С. 50–53.
- ¹⁰ См.: *Кузнецов И. Д.* Национальные движения в период первой революции в России. Чебоксары, 1935. С. 252.
- ¹¹ См.: *Армаруни А., Габидулла Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России М., 1931. С. 12–20.
- ¹² См.: *Абдуллин Я. Г.* Указ. соч. С. 16.
- ¹³ См.: *Салихов Р.* Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX века. Казань, 2001. С. 111.
- ¹⁴ Там же. С. 51.
- ¹⁵ См.: *Магдеев М.* Социальные корни таланта. Казань, 1990. С. 110–112.
- ¹⁶ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1021. Л. 8.
- ¹⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862. Л. 12.
- ¹⁸ Там же. Ф. 199. Оп. 1. Д. 922. Л. 81.
- ¹⁹ См.: *Исхаки Г.* Татарская военная организация во время войны // *Wostok – Orient.* Варшава, 1932. № 1–2 (5–6). С. 18.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862. Л. 66.
- ²² Там же. Ф. 199. Оп. 1. Д. 948. Л. 161.
- ²³ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862. Л. 37.
- ²⁴ Там же. Л. 61.
- ²⁵ НА РТ. Ф. 12. Оп. 6. Д. 942. Л. 169.
- ²⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862.
- ²⁷ Там же. Д. 943. Л. 28.
- ²⁸ Там же. Д. 862.
- ²⁹ Там же. Л. 4.
- ³⁰ Там же. Д. 917. Л. 452.
- ³¹ Там же. Д. 862. Л. 43.
- ³² Там же. Д. 913. Л. 140.
- ³³ Там же. Д. 862. Л. 89.
- ³⁴ Там же. Л. 77.
- ³⁵ Там же. Д. 942. Л. 175.
- ³⁶ Там же. Д. 862. Л. 26.
- ³⁷ *Алкин С.* Стыд и позор // *Казанский телеграф.* 1915. № 6539. 29 марта.
- ³⁸ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 917. Л. 62.
- ³⁹ Там же. Д. 1320. Л. 14.
- ⁴⁰ Там же. Л. 17.
- ⁴¹ Там же. Л. 136.
- ⁴² Там же. Д. 913. Л. 21.
- ⁴³ *Волжское слово.* 1914. № 2115. 5 ноября.
- ⁴⁴ *Волжский день.* 1915. № 6. 9 января.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Волжский день.* 1915. № 21. 27 января.
- ⁴⁷ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Л. 6.
- ⁴⁸ *Волжское слово.* 1914. № 2126. 18 ноября.
- ⁴⁹ *Волжский день.* 1915. № 6. 9 января.
- ⁵⁰ Там же. № 21. 27 января.
- ⁵¹ НА РТ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 259. Л. 21.
- ⁵² Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 862. Л. 201.
- ⁵³ Там же. Д. 1073. Л. 558.
- ⁵⁴ Государственная дума : стенограмма. Отчеты : Созыв 4, сессия 4. Пг., 1915. Стб. 187, 196.
- ⁵⁵ *Хабутдинов А. Ю.* Указ. соч. С. 254.

УДК 94(47).083+929 Леонтьева

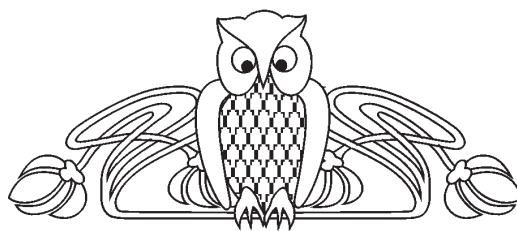
ТАТЬЯНА ЛЕОНТЬЕВА И «МУКДЕН РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

А. А. Калмыкова

Саратовский государственный университет
E-mail: anno12domini@gmail.com

В статье проводится анализ личности и деятельности Татьяны Леонтьевой, которая представляет собой характерный образ молодой эсерки-террористки, что необходимо для понимания специфики феномена женского терроризма в России в начале XX века. В контексте данной проблемы рассматривается поворотный момент в истории Боевой организации партии социалистов-революционеров – разгром её петербургского отдела в марте 1905 года.

Ключевые слова: революционный терроризм, Боевая организация, эсеры, Департамент полиции, психические отклонения, Татьяна Леонтьева.



Tatyana Leontyeva and «Mukden Russian Revolution»

A. A. Kalmykova

The following article seeks to analyze the personality and activities of Tatyana Leontyeva, who represents a typical case essential for understanding the specifics of the phenomenon of female terrorism in Russia in the beginning of XX century. Within the scope of the analysis we shall examine the turning point in the history of the Socialist-Revolutionary Combat Organization, namely, the defeat of its St. Petersburg Committee in March 1905.



Key words: revolutionary terrorism, Combat Organization, Police Department, mental disorders, Tatyana Leontyeva.

Проблема сущности и значения терроризма является хронически злободневной в нашей стране, однако до сих пор является малоизученной. В историографии по данной теме следует отметить, прежде всего, фундаментальные работы О. В. Будницкого и А. Гейфман¹. В то же время проблематика революционного терроризма в Российской империи начала XX в. исследуется с различных ракурсов, например, через призму политических судебных процессов по делам террористов и их организаций. Среди работ подобного рода можно выделить монографии Н. А. Троицкого и Ю. В. Варфоломеева².

В начале февраля 1905 г. петербургским Департаментом полиции были получены агентурные сведения о том, что «в Петербург съехалось несколько видных представителей «боевой организации» партии социалистов-революционеров с целью подготовки убийства генерала генерал-губернатора Д. Ф. Трепова»³. Кроме того, полиции стало известно, что из-за границы с той же целью приехала Татьяна Александровна Леонтьева, дочь статского советника. «Ввиду пресечения преступной деятельности террористов» все члены петербургского отделения Боевой организации были обысканы и арестованы в ночь на 18 марта 1905 г.⁴

Этот арест вошел в череду неудач, посыпавшихся на Боевую организацию партии социалистов-революционеров (БО ПСР) после «триумфа», коим стало успешное покушение на великого князя Сергея Александровича, состоявшееся 4 февраля 1905 г. Одновременно с ним петербургское отделение БО готовило свой главный и самый мощный удар по самодержавию, запланированный на 1 марта – дату, символичную для монархии и борцов с ней. В этот день, 24 года назад, террористом-народовольцем Игнатием Гриневицким был убит император Александр II. Виднейшие представители власти должны были собраться в Петропавловском соборе на панихиду к гробу императора Александра II. Террористы решили не упускать возможности и бросить свои смертоносные бомбы сразу в четырех крупных сановников: великого князя Владимира Александровича, главнокомандующего гвардейскими войсками и Петербургского военного гарнизона, петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепова, министра внутренних дел А. Г. Булыгина и его заместителя П. Н. Дурново⁵.

Подготовкой этого нападения руководил Максимилиан Швейцер, «человек большого ума, сильного характера, железной воли», как о нем писал его политический противник, начальник Киевского охранного отделения А. И. Спиридович⁶. Боевая организация к этому моменту представляла собой крупную силу и имела большое уважение во всех слоях общества. Борис

Савинков писал об этом времени: «Организация достигла того положения, к которому, естественно, стремится каждое тайное общество, и которое единственно может гарантировать ему успех. Сознание этого основного успеха не покидало нас; в это время и Швейцер, несмотря на свои неудачи, твердо верил в будущее террора»⁷. Террористы ожидали удачного исхода задуманного. На реализацию плана были брошены лучшие силы партии, люди, «испытанные и скрепленные между собой любовью к организации, долговременным опытом и преданностью террору»⁸: Д. Бриллиант, Б. Н. Моисеенко, Е. О. Дулебов, Д. Боришанский, П. С. Ивановская, Т. А. Леонтьева, В. И. Шиллеров, Б. В. Подвицкий, Я. Г. Загородний, Е. А. Трофимов, Б. Д. Марков, С. А. Басов. Накануне в беседе со своими товарищами «Леопольд», или «Павел» – так именовали Швейцера партийцы, – решительно, но не без едва уловимого колебания, заявил: «Завтра успех несомненен! Это будут лучшие поминки первоапрельцам!»⁹.

Однако судьба распорядилась иначе. 26 февраля 1905 г. Швейцер стал жертвой изготовляемой им бомбы, чей взрыв, невероятной мощности, в гостинице «Бристоль» положил конец и грандиозному плану и жизни молодого, красивого, не по летам солидного «Леопольда». После смерти своего руководителя самый многочисленный отдел БО погрузился в полную растерянность. П. С. Ивановская в мемуарах с горечью вспоминает: «Удар этот для БО был слишком чувствителен. БО осталась без испытанного кормчего, терялась сплоченность, единство действия, столькими жертвами приобретенное»¹⁰.

Все члены БО чувствовали за собой след охраны и постоянный невидимый надзор. Охранное полицейское ведомство действительно вело непрерывную слежку. В этом деле полиции оказал значительную помощь разъездной агент ЦК ПСР, и как выяснилось, провокатор Н. Ю. Татаров. Благодаря его указаниям охране удалось выследить почти всех членов петербургского отдела БО¹¹. Татаров обладал ценной информацией: знал адрес Прасковьи Ивановской и некоторых других участников БО, в его присутствии партийцы вели разговоры конспиративного характера¹².

17 марта 1905 г. были арестованы: Егор Дулебов, Борис Подвицкий, Е. А. Трофимов, Василий Шиллеров, Прасковья Волошенко-Ивановская, Борис Моисеенко, Сергей Барыков, Яков Загородний, Анна Надеждина, Татьяна Леонтьева, Надежда Барыкова, Моисей Шнееров, Моисей Новомейский, Михаил Шергов, Сура Эфрусси и Фейга Кац, ускользнуть удалось лишь Доре Бриллиант. Газета «Новое время» назвала эти аресты «Мукденном русской революции»¹³. Террористическая группа была посажена в ту самую Петропавловскую крепость, которую она избрала ареной для своего массового убийства¹⁴.

По сути, это явился полный разгром не только петербургского отдела Боевой организации, но



и самой террористической организации. Идея и практика террора после свершившегося постепенно приходят в упадок, а после скандального разоблачения Евно Азефа в 1909 г. террор и вовсе теряет былую славу и привлекательность, как для революционеров, так и для разочарованного общества. По утверждению Б. В. Савинкова, БО в дальнейшем «никогда уже не достигала такой силы и такого значения, какими пользовалась в промежуток времени от 15 июля 1904 г. до февраля 1905 г.»¹⁵.

Ж. Лонге и Г. Зильбер отмечают, что судьба этого последнего отряда была самая трагическая: «Несмотря на его многочисленность, на его строгую организованность, на совершенство планов, выработанных до мельчайших деталей, ни одна из поставленных им целей не была осуществлена. Все члены его были выданы Татаровым, который сообщил правительству все, что он знал о заговоре, а знал он многое. <...> Почти весь отряд был захвачен; предательство Татарова стоило жизни многим из участников неудавшихся покушений»¹⁶.

Исследователь Р. А. Городницкий также констатирует данный эпизод как рубежный момент в истории Боевой организации: «Все террористические мероприятия были свернуты. После этого удара БО так и не смогла восстановиться»¹⁷. Да и сам Борис Савинков безапелляционно заявлял: «Боевая организация в сущности перестала существовать»¹⁸.

Из всей группы захваченных террористов ярко выделялась личность Татьяны Александровны Леонтьевой, прежде всего своим социальным положением. Дочь видного бюрократа, она была дальняя родственница генерала Д. Ф. Трепова, вращалась в высших кругах петроградского общества¹⁹. Молодая террористка имела доступ к царскому двору, и в ближайшее время ей предстояло назначение фрейлиной царицы.

Леонтьева воспитывалась с детства в Швейцарии, в пансионе в Лозанне, а в 1903–1904 гг. училась там же на медицинском факультете. Именно к этому времени относится ее знакомство с заграничными деятелями партии эсеров. Леонтьева, живя в Женеве, через Е. К. Брешко-Брешковскую предложила свои услуги Боевой организации. В ноябре 1904 г. Татьяна с матерью собираются в Петербург для сдачи Леонтьевой экзаменов в одной из гимназий. Из Швейцарии она уезжает уже в составе боевой группы.

На Бориса Савинкова Леонтьева произвела сильное впечатление: «С первого же слова в Леонтьевой чувствовалась неисчерпаемая преданность революции и готовность во имя ее на жертву. Особенно понравилась она Каляеву, я же верил его чутью, и потому, не колеблясь, высказался за прием ее в члены организации»²⁰. Савинков понимал, что Леонтьева может быть полезна не только своей готовностью отдать за него жизнь. «Ее присутствие в организации давало

нам возможность иметь из хорошего источника необходимые для нас сведения о министрах и великих князьях. Предполагалось, поэтому, что ее роль пока и ограничится упрочением ее петербургских связей и сообщением нам таких сведений»²¹.

Макс Швейцер, этот строгий и принципиальный революционер, редко кого хваливший, заметил о Т. А. Леонтьевой: «Вот удивительно хорошая девушка, даже редкое существо среди сейчас жаждущих работы. <...> Она, по-видимому, из тех кремневых натур, которые легче ломаются, чем гнутся»²². П. С. Ивановская, старожил революционного движения, описывала Татьяну Леонтьеву как очень изящную барышню, чрезвычайно сдержанную в проявлении своих чувств и скупой на разговоры. «Она была среднего роста, стройная, как молодая белая березка, блондинка с большим лбом и чистыми, детскими синими глазами. Узнавши ее хорошо, мало было сказать, что она хорошая девушка; это был превосходный человек, полный внутреннего содержания, красоты, глубокая натура»²³.

Будучи аристократкой и вращаясь в высших слоях общества, Т. А. Леонтьева жаловалась Савинкову на свое тяжелое положение: ей приходилось встречаться и быть любезной с людьми, которых она не только не уважала, но и считала своими врагами. «Леонтьева, однако, выдерживала свою роль, скрывая даже от родителей свои революционные симпатии. Она появлялась на вечерах, ездила на балы и вообще всем своим поведением старалась не выделяться из барышень ее круга. Она рассчитывала таким путем приобрести необходимые нам знакомства. В этой трудной роли она проявила много ума, находчивости и такта, и, слушая ее, я не раз вспоминал о ней отзыв Каляева при первом его с ней знакомстве: «Эта девушка – настоящее золото»»²⁴.

А в декабре 1904 г. ей была оказана честь продавать цветы на балу, на котором должен был присутствовать Николай II. Леонтьева же «экспансивная и с несколько неустойчивой психикой, немедленно предложила убить царя»²⁵. Террористы, не дожидаясь согласия партийного руководства, с энтузиазмом одобрили это предложение. Савинков заявил: «Царя следует убить даже при формальном запрещении Центрального комитета»²⁶. Однако Леонтьевой не удалось принять участие в этом акте открытого неповиновения центральному руководству партии со стороны террористов: бал был неожиданно отменен.

В середине того же декабря статский советник Александр Леонтьев уезжает за границу, куда вскоре выбывает и его жена, так что Татьяна остается одна. После возвращения родителей и ввиду их намерения отправиться в Якутск она переезжает к своему дяде, отставному подполковнику Михаилу Леонтьеву²⁷.

На основании сообщения Н. Ю. Татарова охранке стало известно, что на квартиру некоего



высокопоставленного сановника, а именно дяди Татьяны Леонтьевой, подозрительное лицо принесло чемодан, который предназначался для самой Татьяны. Начальник Петербургского охранного отделения в 1904–1909 гг., А. В. Герасимов, счел нужным ознакомиться с содержимым чемодана и потому послал полицейского офицера на квартиру к отставному подполковнику Михаилу Леонтьеву, проживавшему за Невской заставой на Железнодорожной улице. Высокопоставленный хозяин квартиры гневно возразил против обыска в его доме, полицейский гневно выразил протест против полицейского обыска в своей квартире. Офицер был вынужден вернуться ни с чем. Александр Герасимов был крайне этим возмущен: «Мы преследуем опасную террористическую группу, а тут сановная особа становится на пути нашего расследования»²⁸.

При повторном обыске, произведенном в ночь на 17 марта 1905 г., в комнате Т. А. Леонтьевой обнаружено: около 7,5 фунтов гремучего студня, динамит, гремучая ртуть, 7 стеклянных трубок с двойными баллонами, наполненными серной кислотой, и 7 свинцовых грузиков, приготовленных для надевания на означенные трубки²⁹. По заключению эксперта, данный материал мог послужить для изготовления трех разрывных снарядов, не доставало только оболочек бомб и детонаторных патронов. Независимо от этого у Леонтьевой было обнаружено: 22 паспортных бланка, из которых в трех вписан подложный текст, 17 паспортных книжек, в том же числе 3 с заполненными сведениями, 3 резных на камне фальшивых печати Витебской и Полтавской мешанских управ, значительное число скалькированных на прозрачной бумаге подписей лиц различных должностей, имеющих право удостоверять виды на жительство, конверт с прокламациями³⁰.

По поводу обнаружения в квартире Леонтьевой разрывных составов было возбуждено формальное дознание, «начатое обыском в упомянутом помещении»³¹. На другой день после ее ареста в газетах писали: «Вчера при выходе из парикмахерской арестована молодая, очень красивая женщина»³².

21 марта Леонтьева была допрошена в качестве обвиняемой. На допросе она заявила, что принадлежит к БО ПСР, считая это за великую для неё честь. Отказываясь от дальнейших объяснений, Леонтьева пояснила лишь, что найденные в ее комнате разрывные вещества имеют прямое отношение к деятельности террористов³³. При дальнейшем «производстве дознания по делу о членах «боевой организации» социалистов-революционеров Т. А. Леонтьева дополнительно показала, что обнаруженными в ее квартире разрывными веществами она намеревалась воспользоваться лично для убийства одного должностного лица, назвать которое она не пожелала»³⁴.

Во время заключения обнаруживается, что Татьяна Леонтьева имеет психические расстройства: «18 мая в Департаменте полиции получены сведения о том, что содержащаяся под стражей в крепости Т. Леонтьева заболела острым психозом, ввиду чего названным департаментом сделано распоряжение о переводе Леонтьевой в лечебницу св. Николая Чудотворца»³⁵. Психическое расстройство выразилось в двух покушениях на самоубийство – в Литовском замке и в Петропавловке.

26 августа 1905 г. Санкт-Петербургский окружной суд собирает комиссию для освидетельствования состояния умственной способности Т. А. Леонтьевой. Суд определил «принять заключение врачей-экспертов и признать Леонтьеву в состоянии сумасшествия и дело о ней препроводить прокурору Санкт-Петербургского окружного суда»³⁶.

Прокурор Санкт-Петербургского окружного суда 20 октября 1905 г. уведомил первый Департамент Министерства юстиции о том, что окружным судом в распорядительном заседании 19 октября постановлено: «дознание по обвинению дочери статского советника Т. А. Леонтьевой, обвиняемой по 2 части 126 статьи уголовного уложения – прекратить <...> с отменой принятой против нее меры пресечения содержания под стражей, и поместить ее, Леонтьеву, на основании 39 статьи уголовного уложения, во врачебное заведение»³⁷.

Дело же «О «боевой организации» партии социалистов-революционеров» было прекращено по соглашению военного прокурора Санкт-Петербургского окружного суда с помощником главнокомандующего войсками гвардии Петербургского военного округа, на основании высочайшего указа от 21 октября 1905 г. в отношении обвиняемых. В том же порядке прекращено уголовное преследование против Татьяны Леонтьевой³⁸. Все обвиняемые были освобождены из-под стражи. «Что мы, разбойники, что ли, станем судить на основании одних показаний филеров?» – говорил секретарь суда родным арестованных³⁹.

Леонтьеву выпускают на поруки родителей, которые вскоре повезли ее за границу, в Швейцарию. Перед отъездом туда она писала своей сопроцесснице: «Родители мои, извлеки меня из тюрьмы долгими и усиленными хлопотами, везут за границу. Можете сами представить, в каком настроении и с каким душевным отчаянием я туда отправляюсь. <...> Однако, покидая родину в такое время, когда начинается самая нужная, самая напряженная работа, не могу там вдали оставаться спокойно. Это выше моих сил и понимания»⁴⁰.

Швейцария оказывается малоподходящим местом для того, чтобы уберечь девушку от контактов с революционерами. «До меня и до Азефа дошло известие о ее желании снова работать, – писал Савинков. – Мы высоко ценили Леонтьеву,



но, не видя ее, не могли знать, насколько она оправилась от своей болезни. Посоветовавшись с Азефом, я написал ей письмо, в котором просил ее пожить за границей, отдохнуть и поправиться. По поводу этого письма произошло печальное недоразумение. Леонтьева поняла мое письмо как отказ ей в работе»⁴¹. Леонтьева, поняв письмо Савинкова как отказ боевой организации, в жажде «террористического героического акта» примкнула к партии социалистов-революционеров-максималистов.

Максималисты, в отличие от эсеров, не тратили много времени и сил на подготовку своих терактов, а действовали стремительно. Они выяснили, что в швейцарском городе Интерлакене, в одном из отелей проживает некий господин Шарль Мюллер. Внешне он был очень похож на бывшего министра внутренних дел России Петра Дурново. Леонтьева поселилась в том же отеле. Красивая, элегантная, она пользовалась большой популярностью и внимательно наблюдала за Мюллером. Сомнений, на ее взгляд, быть не могло – это Дурново. 1 сентября 1906 г. «она попросила накрыть для себя отдельный столик поблизости от Мюллера. Во время обеда она встала из-за своего стола, подошла вплотную к Мюллеру и сделала в него несколько выстрелов из браунинга»⁴².

Арестовавшим ее Леонтьева заявила, что она русская, эмиссар революционного комитета с заданием отомстить министру Дурново. Открылось чудовищное недоразумение. Шарль Мюллер, рантье из Парижа, в течение долгих лет приезжал каждое лето в Интерлакен для лечения и имел несчастье не только походить лицом на приговоренного революционерами к смерти, но к тому же носить то самое имя, которым обычно пользовался русский министр внутренних дел в своих зарубежных поездках⁴³. П. Н. Дурново действительно жил под именем Мюллера в этом отеле в течение десяти дней и уехал лишь незадолго до покушения.

После того как Татьяна Леонтьева убила пожилого мужчину в своем фанатичном революционном экстазе, ошибочно приняв его за министра внутренних дел Дурново, кадеты сообщили в своей ежедневной газете «Речь», что она выразила сожаление по этому поводу, но добавила, что в эти трудные времена не так уж важно, больше или меньше на свете одним человеком⁴⁴.

В марте 1907 г. Леонтьеву судили в Туне швейцарским судом, приговорили к 4 годам одиночного заточения с обязательным трудом и абсолютным молчанием.

Проливает свет на дальнейшую судьбу Татьяны Леонтьевой литератор и публицист Михаил Шишкин, написавший литературно-историческое исследование «Русская Швейцария». По его данным, Леонтьеву отправляют сначала в тюрьму Ленцбург, но там она плохо влияет на заключенных, призывая их не повиноваться распоряжению

дня. Ее переводят в тюрьму Св. Йоханнсена в бернском Зееланде, там русская революционерка снова выступает зачинщицей беспорядков. В конце концов ее опять отправляют в психиатрическую лечебницу в Мюнсинген. В 1910 г. закончился срок ее заключения, но родители решили оставить дочь в больнице. Отрезанная от мира, она проводит в четырех стенах год за годом. Мимо нее проходит мировая история – война, революция, Гражданская война. Татьяна Леонтьева умирает 16 марта 1922 г., тридцати девяти лет – от туберкулеза. Ее отец, оставшийся в Швейцарии после октябрьского переворота, переживет дочь и будет получать как беженец пособие от швейцарского Красного Креста. Через тридцать лет после погребения, в 1952 г., согласно швейцарским законам, могила Леонтьевой была уничтожена⁴⁵.

Образ Татьяны Леонтьевой очень символичен и характеризует специфику женского террора и трагедию женщин-террористок. Фанатичная преданность, безрассудное желание самопожертвования, романтизированный образ борьбы за высшую правду на деле оказывались тяжким испытанием и выливались в ужас и смерть. Б. В. Савинков видел в Леонтьевой эту жертвенную обреченность: «Она участвовала в терроре с тем чувством, которое жило в Сазонове, – с радостным сознанием большой и светлой жертвы. Я убежден, что если бы ее судьба сложилась иначе, из нее выработалась бы одна из тех редких женщин, имена которых остаются в истории, как символ активной женственной силы»⁴⁶. А. В. Герасимов, вспоминая дело Татьяны Леонтьевой, заключил: «В первый, но не в последний раз мне пришлось увидеть рожденную для счастья молодую жизнь, обреченную на вечную муку из-за причастности к революции»⁴⁷.

Примечания

- 1 См.: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) М., 2000 ; Гейфман А. Революционный террор в России. М., 1997.
- 2 См.: Троицкий Н. А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000 ; Варфоломеев Ю. В. Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901–1911). Энгельс, 2009.
- 3 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 124. Оп. 43. Д. 704. Л. 1.
- 4 Там же.
- 5 См.: Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 183.
- 6 Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. М., 1918. С. 189.
- 7 Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М., 2013. С. 108.
- 8 Там же.



- ⁹ Ивановская П. С. В боевой организации // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д, 1996. С. 130.
- ¹⁰ Там же. С. 133.
- ¹¹ См.: Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 102.
- ¹² См.: Ивановская П. С. Указ. соч. С. 134.
- ¹³ Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991. С. 120.
- ¹⁴ См.: Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений: в 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 150.
- ¹⁵ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 119.
- ¹⁶ Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1991. С. 122.
- ¹⁷ Городницкий Р. А. Указ. соч. С. 102.
- ¹⁸ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 124.
- ¹⁹ См.: Спиридович А. И. Указ. соч. С. 190.
- ²⁰ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 76.
- ²¹ Там же.
- ²² Ивановская П. С. Указ. соч. С. 123.
- ²³ Там же. С. 129.
- ²⁴ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 109.
- ²⁵ Гейфман А. Указ. соч. С. 79.
- ²⁶ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 86.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 704. Л. 7.
- ²⁸ Герасимов А. В. Указ. соч. С. 151.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 704. Л. 6.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 2.
- ³² Ивановская П. С. Указ. соч. С. 129.
- ³³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 704. Л. 6.
- ³⁴ Там же. Л. 21.
- ³⁵ Там же. Л. 45.
- ³⁶ Там же. Л. 71.
- ³⁷ Там же. Л. 77.
- ³⁸ Там же. Л. 78.
- ³⁹ Ивановская П. С. Указ. соч. С. 172.
- ⁴⁰ Там же. С. 173.
- ⁴¹ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 123.
- ⁴² Герасимов А. В. Указ. соч. С. 152.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См.: Гейфман А. Указ. соч. С. 297.
- ⁴⁵ См.: Шишкин М. П. Русская Швейцария. М., 2011. С. 379.
- ⁴⁶ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 109.
- ⁴⁷ Герасимов А. В. Указ. соч. С. 152.

УДК 94(420+47+57)

ИРАНСКИЙ ФАКТОР АНГЛО-СОВЕТСКОГО СБЛИЖЕНИЯ ПОСЛЕ НАЦИСТСКОГО НАПАДЕНИЯ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (июнь–июль 1941 г.)

Ю. Г. Голуб

Саратовский государственный университет
E-mail: goloub@sgu.ru

В статье обосновывается предположение, что именно совпадение позиций по ситуации в Иране предопределило относительно быстрое преодоление взаимного недоверия между СССР и Великобританией после нацистского нападения на Советский Союз и заключение соглашения о совместных действиях в войне против Германии.

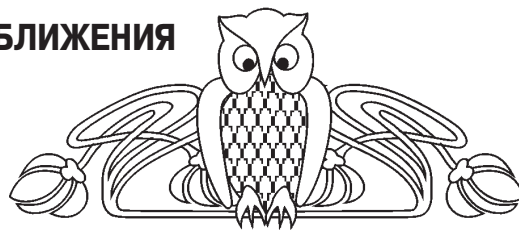
Ключевые слова: Иран, СССР, Великобритания, Германия, Турция, Сталин, Черчилль, Реза-шах, Криппс, Иден, Молотов, Майский, дипломатия, Вторая мировая война.

The Iranian Factor of Anglo-Soviet Conciliation after Nazi Aggression against the Soviet Union (June – July, 1941)

Y. G. Golub

The hypothesis is justified in the article that identity of positions on situation in Iran after Nazi aggression against USSR have predetermined rather rapid overcoming of mutual distrust between USSR and Great Britain and conclusion of an agreement on joint actions in the war against Germany.

Key words: Iran, USSR, Great Britain, Germany, Turkey, Stalin, Churchill, Rezā Shāh, Cripps, Eden, Molotov, Maisky, diplomacy, Second World War.



Дипломатическая история знает немало примеров удивительных договоренностей, неожиданных соглашений, вынужденных компромиссов, парадоксальных альянсов. К их числу, наверное, можно отнести и Договор между СССР, Великобританией и Ираном, подписанный в Тегеране 29 января 1942 года¹.

Отнести по той простой причине, что еще за несколько месяцев до этого события стороны занимали международные позиции, вряд ли предвещавшие формирование подобного геополитического треугольника. Если Советский Союз в начале лета 1941 г. сохранял приверженность договоренностям с Берлином, стремясь отсрочить неминуемую войну, то Британская империя уже вела вооруженную борьбу с нацистской Германией. Иран же с началом глобальной схватки заявил о своем нейтралитете и декларировал стремление защищать его силой оружия, хотя всем были очевидны его политические предпочтения.

Нацистский бросок на Советский Союз существенным образом изменил состав противо-